

благости свойственно призвать в бытие то, что не существовало. Поэтому сознание благости самой по себе должно предшествовать сознанию бытия самого по себе, поскольку последнее введено первой. Все существующее существует постольку, поскольку оно благо; и поскольку оно не есть благо или, так сказать, менее благо, постольку оно не существует, и, следовательно, ничто не существует, если совершенно нет блага». Еще: «Разум есть субстанциальный взор духа, искусство, рожденное духом им самим, о самом себе, в самом себе, искусство, в котором дух предугадывает и предосновывает то, что хочет делать. Потому разум не без оснований называется формой духа, так как дух сам по себе не знаем для себя, но в своей форме, которая есть разум, начинает являться как себе, так и другим». «Нам нейдет произносить приговор о воззрениях святых отцов, нам следует принимать их благочестиво и почтительно; но тем не менее мы не лишены свободы выбирать из них то, что по исследованию разума соответствует более божественным изречениям», и т. д.

Таким образом, мы видим, что И. Скот Эргена проводит везде начало разума и дает ему почетное место. Но не эти указания на разум, не это высокое значение, которое он ему придал, навлекло на него негодование: современники упрекали его в пантеизме, и, в самом деле, по-видимому, у него есть это направление; не раз повторяет он, что все исходит от бога и в него возвращается; и к этому прибавляет комментарии и свидетельства, из которых выходит, что бог живет в природе и она в нем, что бог — одно с природой и живет вместе с ней. Каковы бы ни были эти уклонения Иоанна Скота, изучение его сомнений до высокой степени поучительно и укрепляет нашу веру в человечество. Из этого изучения мы, во-1-х, увидим, что ни одна мысль, имеющая право на развитие, хотя бы она была брошена в самые темные века, не пропадает для человечества. Идея неоплатоников была поднята в IX веке Эригеною; он сам умер, не оставив ни школы, ни наследников своему мнению, непонятый, оклеветанный, ненавидимый, и, по преданию, убитый собственными учениками.

Но когда в конце XI ст. началась новая европейская наука в формах схоластики, в основу этого учения легла мысль Эригены — великая мысль о единстве разума и религии. Схоластицизм понял ее несколько ниже¹, чем Эригена, но тем не менее последний все-таки стоит родоначальником науки. Что же касается до обвинения в пантеизме, то это обвинение было возводимо на всех великих мыслителей [теми], кто не пытался идти самобытным и скользким путем исследования и для которых непонятна, стало быть, возможность энергического уклонения.

Десятое столетие не представляет уже нам таких великих личностей и вопросов, но мы их встречаем снова в конце XI столетия.

¹ ГБЛ, ф. 178, 3598, XXI: иначе (л. 91).